

18+

Николай Колос



**РАССКАЗЫ  
УЧЁНОГО КОТА  
ДЕДА НИКОЛЫ**

Николай Колос

**Рассказы ученого  
кота деда Николы**

«Издательские решения»

**Колос Н.**

Рассказы ученого кота деда Николы / Н. Колос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597864-6

В этой книге затронут очень большой пласт прошедшего времени, свидетелем которого я был. Иногда печальных, кое-где радостных, но обязательно с внесением в текст и в описываемые события дозированной порции юмора и сатиры. Прочитайте и вам понравится.

ISBN 978-5-00-597864-6

© Колос Н.  
© Издательские решения

## Содержание

От автора	6
С чего всё началось	7
Рассуждения о жизни	8
Покаяние труса, или рассуждение Кота	11
Девятьсот тринадцатый год	13
Один патрон (поэма в прозе)	16
Стояли двое, или естественная зависть	25
Село Плоское – город Сочи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# Рассказы ученого кота деда Николы

**Николай Колос**

*Иллюстратор* Николай Колос

*Корректор* Елена Тарарина

© Николай Колос, 2023

© Николай Колос, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-7864-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



## От автора

*В предлагаемых рассказах, дорогой читатель, нет ни одной придуманной истории. Все события выхвачены из жизни, имеют свою географию и своё время, только пропущены через моё чувство и моё понимание прожитых лет.*

*Я стал писать очень поздно и знаю, что мои рассказы не имеют свежести восприятия подаваемого, только что приготовленного, блюда, приправленного недавно сорванными специями с грядки времени. Конечно, я смотрю на все прошлые события через призму пролетевших лет, и они, я думаю, замешаны, хочешь не хочешь на каких-то философских, лично мной усвоенных, постулатах.*

*В этом сборнике есть несколько рассказов – я их поместил в конце – списанных с совсем недавнего времени. Поэтому, по современным понятиям, они могли бы больше классифицироваться как эссе. Но я рассчитываю, что мои книги проживут какое-то время, прежде чем их выбросят на растопку шашлычных костров, и уже сам читатель, нарастив на них литературного жирку времени, воспримет как развлекательные опусы.*

*И именно последние рассказы, списанные из событий последних лет, я назвал бы прозой жизни. А все мои воспоминания далёкого прошлого я писал, как бы это выразится, продиктованными перебродившим сознанием жизненной закваски... в этил поэзии. Душа моя уже была опьянена величию калейдоскопа событий прошлого времени. – Ведь правильно говорят – «Лицом к лицу – лица не увидать...»*

*Поэтому не нужно удивляться, что один из своих рассказов – «Один патрон», я назвал поэмой. Я назвал бы поэмой и другой рассказ – «А есть ли Бог?». Но это я делаю только в предисловии.*

*Конечно, если подойти буквально, то поэмой является только стихотворное произведение. Но это с точки зрения догмы, с точки зрения, одного, или группы литературных мужей, считающих, что своим определительным законом они наглухо забили и законопатили пути продвижения вперёд!*

*Но, на мой взгляд, поэзия не является математикой, а только её двоюродной, или, пусть даже, родной сестрой! Она более вольная, имеющая больше возможностей для исследовательской деятельности, потому что география её исследований имеет гораздо больший радиус, чем у математики.*

*Для математики – два, умноженное на два, во все времена и при всех правителях – всегда четыре!*

*Что касается меня, то когда я писал свои рассказы – моя душа, да и вся моя сущность была полностью погружена в поэтическое творчество, и я чувствовал его вибрацию и его ритм.*

*Ещё хочу сказать, что мой первый и самый жестокий критик является поэтесса и, одновременно, моя жена Елена Тарарина. Темы и стили у нас разные. Иногда – разный взгляд на текущую обстановку. – И хоть она и доводит меня, иногда своей критикой, до белого каления, но я ей благодарен за всё. Ведь я охлаждаюсь тогда от белого каления тем, что заливаю его (белое каление) новыми стихами и новой прозой, цепляясь зубами и руками за жизнь, чтоб написать больше! – Вылить всё то, что накопилось за мою долгую жизнь.*

*Ещё ремарка – большинство своих книг я издал, будучи мужем Е. Тарариной.*

*В остальном – судить вам.*

*Благодарю за внимание – Н. Колос*

## С чего всё началось



## Рассуждения о жизни

Как сейчас помню – пришёл я домой, не то что совершенно не пьяный, а совершенно трезвый. Бывает.

Пьянка состоялась по случаю открытия производственных мастерских художественного фонда одного небольшого городка, что примостился под сенью огромных терриконов. Нет, если бы это было в хвалёной, некоторыми влюблёнными нашими товарищами, Европе – то это Да! – Это большой город! А в нашей России, тогдашнем Советском Союзе – дребедень! Хорошо посчитать, то наберётся душ —тысяч так – двести пятьдесят, с примкнувшими посёлками. Посёлки примкнули, чтобы их тоже считали городом! – Престижно же! Вместе с новорождёнными, конечно!.. и ещё неучтёнными похоронками. – (Ну – то пустое) – Они тоже считаются.

Что такое терриконы объясняю для малограмотных, или грамотных, но не читающих техническую литературу, не знающих про обширную страну и ничего – про каменный уголь. Так вот каменный уголь – это уголь крепкий как камень и чёрного цвета – как Чёрный Кот деда Николы, без каких либо других оттенков. Но, если не смотреть его коту в глаза – они, бывает светятся огнём. Но очень крепкий – зараза! – Не Кот, а каменный уголь. – И горит! Ух как горит! Но для горения – нужно, чтобы поддувало было. Что такое поддувало – знают все! Без него – никак. А иначе как можно продуть свою зарплату, даже не дождавшись праздников?!

Может он был и раньше, этот каменный уголь, но мы грешные, узнали о нём из многотиражных газет. Но не как о самом угле, а как о некоем герое – Алексее Стаханове. Он, Стаханов-то без помощников из Ада, или Рая, за одну ночь нарубил под землёй угля такую огромную кучу, что все были удивлены и закричали – «Не может быть!»

Ан может! Потому что, во времена Стаханова, и Ад, и Рай были запрещены самой высокой социалистической властью нашего государства. – (Буржуйские пережитки!). И правильно! Ведь оказалось, что можем жить и без них! – Можем рубить уголь без Ада и Рая!

И после Стаханова, любой другой, кто сделал что-то такое, что никак не вязалось с логикой нормального человека, назывался стахановцем! Он получал и зарплату и паёк, если такой полагался, выше среднестатистического! – Понимать нужно! В нашем отечестве все знают что такое паёк. Грамотные! Не грамотным объясню – это набор белков, жиров и углеводов потребное для биологического существования человека, чтоб он, всё таки жил, но был вечно голодным!.. И злым! – кто-то сверху подсказывает мне... до работы... до той же – рубки угля!

И после Стаханова, как-то все волей – неволей посчитали себя тунеядцами. И все граждане страны, оказывается были на иждивении государства. Начальство в кого угодно могло тыкать пальцем и спрашивать – «ты дотянул до показателей Стаханова? – Нет! – Тогда чего ты хочешь от родного государства, если не дотягиваешь? – А если недотягиваешь, то знать оно тебе не родное! – А раз неродное, то ты вражина скользкая! На тебе тридцать седьмой год!»!

Мария Демченко – и та... туда же! Она всего за одну ночь столько сахарной свеклы накопала, что мерь – не мерь – не перемеришь! Думаю – и не пытались! – Мерять! О ней тоже в газете написали после того как она со Сталиным встречалась, чтоб Сталин посмотрел какая она ладная и полюбовался её красотой и украинской породой – и чтоб об этом все знали и завидовали ей! – И завидовали! ... Даже знаю кто...

После встречи со Сталиным Мария Демченко, уже свеклу не выкапывала. – Не по Сеньке шапка! – Она ездила по весям и всем рассказывала как благодаря мудрости товарища Иосифа Виссарионовича вырастает классная сахарная свекла и как её нужно по стахановски выкапывать. (почему-то по стахановски, а не по демченски?!). Моя мать тоже работала в колхозе и выкапывала свеклу. Но такого количества как у Марии Демченко, никак не получалось! Наверно потому, что до нашего села Мария Демченко так и не доехала. Она тогда уже засе-

дала во всесоюзных партийных съезд. – Не до нашего села было! – Дорогу она прорубила, вот и шагайте по ней не сворачивая на левизну! За левизну у нас – того...

Точно так и Алексей Стаханов, после долбёжки большой кучи каменного угля, уже его не долбил. – Отдолбился! Тоже знал про Сенькину шапку! И тоже участвовал в партийных съездах и говорят, что тоже видел товарища Сталина. Даже, может быть, с ним выкурил трубку. – Но, это лично моё предположение. Скорее всего Стаханов курил «Беломорканал» – не напрасно же его выкопали! Сам Максим Горький ездил посмотреть – канал-то... Но почему-то о нём не написал!.. Знал, видимо – как кошки мышей ели...

Если говорить начистоту, то не только каменному углю и сахарной свекле помогал товарищ Сталин! – Берите шире!

Я сам слышал как по радио в шесть утра передавали, что в таком-то колхозе благодаря усилиям и стараниям товарища Сталина – свиноматка родила аж двенадцать поросят и они все, до единого, вошли, так сказать, в общую сокровищницу Советского Союза! Ну, конечно, это не сам лично товарищ Сталин совершал, говорю вам тихонечко – а под его руководством некоторые руководящие мужики свинофермой... поднатужились! – И очень поднатужились – что такое творили! Это ж не шутка – раз! – и одним махом аж двенадцать поросят! Лично я верю! Некоторых, таких мужиков, видел сам!

Однако, мы, кажется, отклонились от темы. А темой у нас должно было быть понятие о терриконах. Думаю, в моём ближнем окружении никто не знает откуда появилось такое заковыристое слово, но когда я, и моё личное окружение начали хоть что-то соображать – оно уже было! И не только в Кузбассе, но и в Донбассе. – Это там, куда, как поётся в знаменитой песне – «Парень пришёл молодой!»!

Поясняю. Терриконом – называется рукотворная конусная гора. И она создана там, где добывает каменный уголь – самим человеком! А вся масса такой горы называется пустой породой, то-есть породой без каменного угля и без никакой полезности! Тем более, у нас в России всё бесполезное – не горит и ничего толкового из него извлечь нельзя!

Но как же не горит?! – Просто у нас нет такой печки, чтоб засунуть туда целый террикон. А сам по себе он горит и без всякой печки, как последняя сволочь! Да выделяет такое количество сероводорода, что затыкай – не затыкай нос, – всё равно – ой, как... эта бесполезность... «пахнет!», что... хочется быстрее убежать от такой горы хоть к чёрту на кулички. Однако рядом живут люди – и им хоть бы хны! – Это же совсем другой сорт людей! Кто-то пояснял – когда Советская власть упразднила Ад – освободилось уйма кочегаров, поджаривающих грешников! Бедным адовым кочегарам больше некуда деться и у них совсем другая закалка с самого рождения – с малых лет! А может у них уже и совсем другие внутренности. – Что эти внутренности другие – подтверждено медициной, в любом медпункте, что рядом с терриконом.

Когда наши парламентарии – почти все директора угольных шахт из «Ростовугля», под руководством, уже не товарища, а господина – начальника комбината Ростовуголь, поехали в «задрыванную, самораздирающуюся» Америку, то увидели, что там эти «бестолочи» и «засранцы», простите за вынужденное выражение, ту самую пустую породу перемалывают, и топят такой, абсолютно не пролетарской пылью свои котельные. И горит же зараза! И греет сволочная пыль воду в котельных империалистов! А в России ни-ни! – Да в каталажку такую пыль! А может быть и того... вздёрнуть, если что... кой кого!

Для дыма, увидели они – (делегация Мелькова), поставили ловушки и ловят всевозможный никель и другие не дешёвые, и очень даже редко встречающиеся, штучки. Думаю, потому, что у них не запрещён Ад и процветает этот Ад подобру-поздорову! А там где Ад – горит всё! Сами понимаете! Дай Бог, чтоб и сама Америка... того...

Мы опять отклонились от темы! – Исправляюсь!

Как я уже говорил, прихожу домой совсем не пьяный, потому что только нюхал и... только пиво! Вижу – сидит за столом – сволочюга – мой чёрный Кот без единого белого, или другого, вкрапления и бренчит на гитаре! Рядом лежит скрипка!

Как только я зашёл в дверь, он мне подмигнул глазом, положил гитару, взял скрипку и начал выводить рулады из музыки какого-то композитора – запомнил фамилию, – «Танго смерти»! —называется так. «Ты, что меня, гад, хоронишь» – кричу я ему. А он отвечает – «Это я не тебя хороню, а твою бестолковую жизнь! Ты – говорит – с женой развёлся? – Сам же и отвечает – Развёлся негодник такой! Хорошо, что хоть алименты платишь! А то я, вообще, здесь бы не жил и с тобой бы не разговаривал! Новую жену не ищешь? – Не ищешь! А в художники пошёл!? Не выдавишь из себя художника – это я тебе говорю! Вот из Володи Д. – из этого – да! – Получится! – Из твоего друга закадычного, из того, что дружит со скульптором и его неудачной скульптурой Петра Первого на Москве-реке! А тот – скульптор, хлопает его по плечу и говорит – «Знаменитый будешь, а твой друг Никола, так – тьху! Поэтому все его городские работы, Николы этого, можешь записать на свой счёт и положить в копилку для присвоения звания – «Почётный гражданин города!» – Он же тебя дурит, дурья башка, – говорит Кот – и издевается над тобой, а ты дурак терпишь! Ну ладно! – проехали! Из дураков умники не получаются! – Это опять я дело тебе говорю! – Не получаются умники из дураков, хоть кол на голове теши!»! После таких обидных слов он разливает водочку чистую как слеза в две рюмки и предлагает, для начала серьёзной беседы, выпить. Я отвечаю ему – «Ты ж, мой обидчик и форменный негодяй, знаешь, что я не пью! – Зачем предлагаешь?»! – Он отвечает – «Испытать хотел тебя! Проверить хотел – может, хоть что-то из тебя получится! – Садись!» – говорит.

Ну я и сел. Думаю – что будет дальше. А он говорит – «Вот теперь бери бумагу, шариковую ручку, или карандаш на худой случай, и записывай всё, что я буду рассказывать! И не смей пропустить ни единого слова, ни единой буквы из сказанного! Ты понял меня?! – А так-как ты полуграмотный, то дай проверить каждое слово Алёнке Т., чтоб буковки выправила. Ты же её знаешь!» – Отвечаю – «Ну, знаю, как же не знать?!»! – «И так будет каждый день – пригрозил он мне – но, чтоб свежая колбаска и водочка, чистая как слеза, всегда были в холодильнике! – для моего вдохновения»!

Вот так, с тех пор, я и нахожусь «под пятой», то-есть, под коготками моего чёрного кота и записываю всё, что он говорит. Бегу за колбасой! Кончилась!

Так, что спрос, люди добрые, за всё, что здесь будет написано, если будете читать, с моего Кота – по содержанию и с Алёночки Т! – За буковки-то она отвечает!

## Покаяние труса, или рассуждение Кота

Мне всегда хотелось что-то делать. У меня всегда чесались руки. (Я хочу, чтоб вы мне позволили называть свои лапы руками! – По человечески!) Я не знаю, как чешутся руки у вас, но у меня, я думаю, они чесались по-особому. И чесались без отдыха на обед, когда был маленький, и во время законного отпуска – когда стал взрослым. (Мой отпуск был тогда, когда взрослые люди уезжали на воды. Лично мне эти воды... я бы их век не видел! Поэтому я отправлял людей одних). А руки у меня вечно чесались, наверно потому, что я что-то не доделывал, или даже не начинал делать, при сильно чешущихся руках.

Если все жизненные ситуации разложить по полочкам, или хотя бы на отдельные кучки, то таких кучек окажется несказанно много. Хотя их тоже можно классифицировать. Например – дела хорошие, дела нейтральные, дела отвратительные и дела очень подлые. Каждый отдельный раздел можно делить дальше – но то уже удел специалистов, а я к специалистам не отношусь. Поэтому буду фигурировать как неспециалист (забыл как он по научному называется, а справочника под рукой нет!) – Склероз!

Из четырёх разделов, названных мной дел – дела хорошие занимают только двадцать пять процентов жизненного пространства, остальное – или пустота, или совершеннейшая подлость! И если ты по жизни не гений, и не можешь занять свои руки и свой, простите, мозг, нагружая себя только делами хорошими, то пожалуйста, вот вам широчайшее поле деятельности для каждого... из подлости и рафинированной подлости.

Рафинированная подлость, как мне объяснил знающий человек, это самая скверная подлость, подающаяся на голубом блюде с золотой каёмочкой, как самое благородное и Богу угодное дело! Вот например. – Если ты убил человека, или там тысячу человек, по самым, что ни есть, идейным соображениям, не так думающих, как думает твоя партия, или вообще группа объединённых чем-то лиц, или, наконец, твой прайд, то ты, в конечном счёте – герой, заслуживающий разных поощрений! Пусть даже ордена – в конце концов!

Представляете – есть ещё одна застаревшая подлость давать поощрение не деньгами, не продуктовыми карточками, в крайнем случае, а разукрашенной жестянкой, которая называлась и в самую, что ни на есть древность, громким словом – орден! Рассказывали мне про эти ордена. Знающий человек, может быть и брехал – что когда у Рамсеса из Египта, какого-то по счёту, закончилась пшеница, то он своим лучникам вместо меры зерна давал белые камушки со своей царапиной. – Там такая потом неразбериха была, что мама не горюй! Камушек с царапинами набралось столько, что никакое зерно их не перекрывало! Вот и первые признаки инфляции! – Камушки с царапинами обесценились! Слава Богу, что в наше время обладатель ордена ничего не требует, ему главное, чтоб что-то блестело на фуфайке! Ордена приравняли к разным градациям славы. И то хорошо! – Горд человек славой в наше время...

Но... если ты убил тем же инструментом, того же человека, или те же тысячу человек, не будучи вооружён идейной закваской, то ты... что уж говорить – настоящий бандит, заслуживающий наказания! Значит главное – нужно быть, во-первых – не трусом, а во-вторых, в обязательном порядке – идейно подкованным. За идею можно делать всё что угодно! Если ты не трус, имеешь правильную закваску, и идёшь с кистенём на малую дорогу, или идёшь с Хаймерсами – (или как там они правильно называются), на большую дорогу, то под всякое подлое дело можно подвести идейную подкладку! – И не одну! – Тогда, чтобы ты не совершил – будешь вечным героем! Главное смотри, чтоб по ошибке не уколошили самого тебя!

Значит основное жизненное дело – быть не трусом! – Тогда все подлые дела – (а мы уже говорили, что их на много больше!), совершённые кем-то, какой-то группой лиц, или государством... в крайнем случае! Приобретают героический налёт, при любом раскладе! И руки чесаться не будут! – Вечно при деле!

Что касается меня, Кота, то я – трус. Я из-за трусости не пойду пускать поезд под откос – если в нём люди. Не буду взрывать мосты, если за это даже выдают орден! Не буду совершенствовать орудия убийства из-за своей трусости и пусть меня обзывают «врагом не человеческого рода», потому, что я знаю, что окажусь врагом народа только для одной, небольшой, в планетарном масштабе, части... этих вот... живых организмов!

Я не призываю никого быть трусом – их презирают! Будьте добры быть героями, зарядитесь патриотизмом, чтобы, при случае, не дрогнула рука нажать гашетку и пустить пулю в таких как я. – В трусов! – Их на Земле немного! Вам скажут Виват! ... Очистите Землю и тогда ничего страшного для человечества не будет. Не страшен будет даже Ад...

P.S. – Вы же понимаете, что серьёзно к моему монологу относиться нельзя. Это просто обыкновенные «мечты в дым» – обыкновенного труса. кошачьей породы. Ведь придёт Март, проснутся кошечки и мы, в том числе и я, замяукаем по другому!

Я – Кот

## Девятьсот тринадцатый год

На моих небольших предприятиях, на одном и другом поочерёдно, работал слесарь Владимир Иванович Тепловодский. Виртуозно лепил из металла декоративные решётки. Он, как никто, умел себя уважать и очень легко заставлял это делать других.

Раньше он в школе учил детей труду. Дети делали молотки. – Заглядение, а не молотки! Даже жалко было ими гвозди забивать! Металл так был отполирован, что мог служить вместо зеркала. Ручка – возьмёшь её в руки и выпускать не хочется. Как специально по твоей руке!

Конечно он был не безгрешен. Продавал молотки, как свои личные вещи. (А как же ещё можно получить дополнительные преференции в те, сугубо правильные, времена?). Хотя, по всем понятиям тех правильных времён – они, молотки эти, должны были быть государственным достоянием! И точка! Они должны были украшать музеи и не меньше! – (Дескать, смотрите что советский школьник вытворяет!). – В крайнем случае – валяться никем не востребованными на пыльных складах, пока их не отвезут в металлолом. Но, не случилось!

Я покупал его молотки совсем не возмущаясь их извращённой принадлежности. (До меня только сейчас дошло, что и я был таким же извращенцем! Слава Богу, что перед мной нет зеркала и я не вижу краски стыда, выступившей на моём лице!

В конце-концов, думал я, дети то приобрели опыт и специализацию – значит молотки уже сослужили нужную службу! Да и я – то ведь тоже принадлежу своему государству, значит разница лишь в чуть искажённом понятии. Если разобраться – то государственный человек получил государственный молоток. Лишь мои личные деньги перекатились в другой личный карман без учёта налоговой службы! Но, я то ведь, получая свои деньги в государственной кассе – все налоги уплатил. Их из меня удержали! То, считал я – с деньгами всё в порядке! Зачем же два раза удерживать налоги?! Это я так думал!

К нам, в мастерские художественного фонда, часто заходила городская знать – секретари райкомов, горкомов, председатели исполкомов. Мы выполняли городские заказы, а им был интересен не только окончательный результат, но и процесс самой работы. – Не приведи и помилуй, чтоб в такой процесс вращалась, по недосмотру, идеологема капитализма! И не только!

В основном они заходили к нам, когда я был начальником цеха в мастерских художественного фонда, как в кают-компанию чуть охладиться и уйти на минуту от государственных дел. Расслабиться!

Кают-компанией служила мастерская замечательного художника акварелиста – Владимира Дикого – моего явного закадычного друга и тайного врага! О том, что он мой друг – я это видел, что он мой враг – я это знал!

Посещение кают-компания – был главный компонент посещения, а посмотреть как делаются декоративные решётки – второстепенный, но выдавался как главный.

Нужно же успеть где-то во время подкорректировать. А то, не дай Бог – (вот здесь Бога никем не заменишь!), молоточек будет стучать под совсем чуждую идеологию!

Я забыл напомнить об очень важном пустячке «кают-компания». – Там всегда стояла бутылочка чистейшей водки и непортящаяся закуска как например – Невская колбаса, сало, лук, и, конечно, хлеб. Такая колбаса на прилавках открыто не лежала – но в нашей «кают-компания» она была!

Всё бы и ничего! Но вся эта высокая «челядь» любила, чтоб перед ними расшаркивались. Я, признаюсь, делал это по должности, – иначе я бы там не работал. А вот Владимир Иванович – пренебрегал. Хоть за ним и водился молоточный грешок, но то было раньше и какие-то пятьдесят рублей в месяц сверх нормы! Пустячок! Поэтому и такое пустячковое пренебрежение к властям!

Он стоял спиной к посетителям и продолжал чиркать электродами. Отходил лишь тогда, когда кто-то из высоких гостей подходил и намеревался давать ценные указания. Владимир Иванович, не глядя им в глаза, тихо и невозмутимо говорил.

– Расскажите всё моему начальнику, а он мне объяснит как Родину любить и где клепать молотком! – Субординация должна ведь быть...

Кто ж такое мог вытерпеть! Это значит, что он их и за начальство не считает! Это значит, что какой-то субъектишка на месте – выше их по рангу! Явный перебор!

Хоть городское партийное руководство возмущалось, но мирилось – работал он классно!

Но, однажды, когда ему предложили на какой-то композиции увеличить размер серпа и молота, а он отказался, потому, что для того же серпа и молота в той же композиции было мало места – меня заставили его уволить. А потом уволили и меня, за то, что я его уволил. Перед каким-то праздником, когда припекло – вернули обратно и того и другого.

Но сейчас мой рассказ не про увольнение.

Я часто в обеденный перерыв заходил к Владимиру Ивановичу в мастерскую. Мы были одноклассники. – Заходил просто помолчать. Я любил молчание и Владимир Иванович тоже любил молчание. Сейчас мне кажется, что из молчания мы извлекали для себя больше информации и понимания друг-друга, чем из непроглядной болтовни. Мы отдыхали и переваривали свои мысли. Наверно они были. – Мысли-то эти! Даже в то время...

В обеденный перерыв он на непродолжительное время включал динамик и... как бы слушал новости. В одной руке он держал полулитровую банку, доставал вилкой холодную жареную картошку и выкладывал её на посеревшую тряпочку, что лежала на верстаке возле электродов. Потом, на ней появлялось два варёных яйца, луковица и краюха хлеба. Обедал. Компот из бутылки он уже выпил. Было жарко.

В такие моменты он молча, только жестом, протягивая ко мне банку с картошкой, приглашал разделить трапезу. Знал, что ничем не рискует. Я всегда отказывался. Хотя глядя на него, иногда у меня текли слюнки. Уж очень смачно он ел.

Но посягнуть на часть его обеда из чисто человеческих побуждений – я не мог. Мы еще долго с ним встречались в чисто рабочей связке, но свою трапезу с ним ни разу не делили. Сейчас мне жаль! А может так и нужно. У нас были очень доверительные отношения, но в душу друг-другу мы не заглянули. Видимо считали, что это интим самой чистой воды и он должен принадлежать только его носителю. И никому больше! – На то он и есть – индивидуум.

Однажды из репродуктора, во время доклада собственному народу о достижениях Коммунистической партии и Советского правительства, прозвучали сравнения с 1913 годом. И началось перечисления – сколько чугуна и стали, сколько каменного угля и других достижений выработано на душу населения страны! И ещё другие, уже не столь значительные – по потреблению, но веские для любого сравнения с 1913 годом, атрибуты! Дескать, смотрите с каким успехом Партия и Правительство улучшает жизнь Советского человека!!

Владимир Иванович поставил банку с картошкой на верстак, выматерился и, обращаясь к репродуктору, тихо, но со всей страстью сказал: «Да вы вернитесь в тринадцатый год, сделайте так, как было и больше, ради Бога, не улучшайте!» – А немного помолчав, добавил: «Я за то, чтоб был на Земле, хоть и узурпатор, но один правитель!».

Я спросил

– А что вы Владимир Иванович, не хотите, чтоб жизнь была лучше?! Не хотите, чтоб пришёл коммунизм и работал постулат – «От каждого по способности – каждому по потребности?»!

Он как-то небрежно посмотрел на меня и в его взгляде я прочёл – «Ты дурак, что ли?» – и через три минуты молчания ответил.

– А коммунизм уже пришёл и, вами названный постулат уже работает!

Вот, например я. – Я способен делать красивые декоративные решётки – и я их делаю! Это первая часть постулата – от каждого по способности – уже работает! А вот и вторая часть – у меня была потребность пообедать. Обед никто не отобрал – обед был для меня очень вкусный и сытный. Напрасно вы отказались от жареной картошки. У моей жены особый дар – жарить её. После работы я приду уставший домой, поужинаю, отдохну и займусь каким-нибудь любимым делом. Если это называется коммунизм – то он для меня уже наступил!

Идём дальше – продолжил он. – У нас работает уборщицей тётя Маруся. – Так? – Так, тётя Маруся работает – и, по способности её, в этой тёти Маруси всё есть! – Фуфайка, резиновые сапоги, ведро, половая тряпка и вода в нашем кране! А свою потребность она обеспечит зарплатой в 80 рублей, чтоб поддержать биологическое существование. Все идейные и культурные потребности она восполнит из похода в кино в выходные дни, и двадцать четыре часа вещания по радио – как прекрасно жить в коммунистическом сообществе.

А у министра, скажем, торговли, или внешних дел – там совсем нужны другие способности. И они у них есть – эти вот – способности! – Определённая доля изворотливого ума, и очень хорошая атака внушения – пудрить мозги своему визави.

Что касается потребности, то им нужен самолёт и договорная площадка с хорошим обедом, или с изысканным ужином, для того же запудривания мозгов. Кто бы возражал! – Вот так, на мой взгляд – оба постулата уже работают – значит коммунизм налицо, и я доволен. Да, я доволен таким коммунизмом! И пусть будет, чёрт с ним, так как сейчас, только ради Бога – без улучшения!

Вспомнил я это в 2019 году. Я понимал его тогда, ещё больше понимаю сейчас. Тем более, что сейчас и Россия и Украина сравнивают свои успехи и неудачи тоже с тринадцатым, но 2013 годом. Это к слову.

Пусть это и не патриотично, но было бы хорошо, если бы миром правил, чтобы не обижать наших – наш Правитель, что сейчас правит, или какой-нибудь пацифист из самого забитого полуэкскимского племени нашей России. – Но один! Одна планета – одна страна. Один царь-батюшка. Иначе как!

Уже сейчас из за своих амбиций первые лица готовы перегрызть друг другу глотки и уничтожить планету! Только из за своих амбиций!

А то бы – никакого ядерного оружия, никаких НАТО, никаких военных баз, никаких ракет и супер ракет! Авианосцев, подводных лодок, космических бомбардировщиков – ничего не надо. Лишь патрульная служба с алебардами, даже пистолетиков, и тех, не нужно.

А, чтоб не скучно жить и развиваться – хочешь в Мариинскую впадину – пожалуйста. Хочешь на Альфа Центавра – тоже пожалуйста. Хочешь менять пол – да кто ж тебе запретит. Меняй хоть пять раз за свою жизнь. – Только передвинься на другую территорию, в другой бедлам где это бесстыдство и богопротивное дело в моде. И не выпячивай его на показ, не смущай хороших людей! Совершай всё под своей сугубо индивидуальной простыней!

Ты же на стыке передовых наук! Если не будут клепать атомные бомбы, то на всё и на всех средств нашей Земли хватит. Хватит! – Лишь уберите атомные бомбы и другую похожую чертовщину!

Станцуй для своего Вождя в качестве благодарности – Чунга-Чанго. Пусть почёсывает свой живот, ест бананы с китовым мясом, иногда красную икру, и мирно правит. Дай Бог ему тысячу лет жизни...

## Один патрон (поэма в прозе)

Шла весна военного 1944 года. Немецкие войска ушли из Украины, забыв захватить с собой нанесённые беды.

– Ну что, слабо?! Может у тебя его и нет? – Пистолета-то этого! Ты просто хвастун? – Это сказал Санька.

– Кто я?.. Я – хвастун? – Это сказал Стасик. – Вот только уйдут батька и мамка – покажу. Я его уже два раза брал в руки. Володька, брат мой, перепрятал пистолет, но я выследил и уже убедился, что он там.

Санька – двенадцатилетний сорванец, что живёт по соседству. Чтобы не выходить со двора и не ходить через улицу, проделал в межевом плетёном заборе лаз, да так его замаскировал, что комар носа не подточит. И вообще, он любил маскировки. Он знал все деревенские новости. Кто к кому ходит, кто с кем спит, чья корова отелилась, кто зарезал поросёнка, кто гонит самогон, и, вообще, все деревенские тайны, и с большой выгодой для себя пользовался ими.

Его веснушчатая с курносым носом физиономия, с ехидной улыбкой прищуривала глаза и одним своим видом говорила: «Знаю, знаю, меня не проведёте!». Когда в их доме (в доме Саньки) долечивал свои раны молодой офицер перед отправкой на фронт, Санька безошибочно улавливал момент в какое время они уйдут с матерью в сарай на сеновал. Он незаметно пробирался на чердак сарая и через щелку в потолке, которую сам и продел, наблюдал во всех подробностях про шуры-муры его матери с офицером. В деревне его все не любили и боялись, и перед ним заискивали. Каждый человек, даже деревенский, имеет свои маленькие тайны, и их никому не положено знать. Как правило, такими тайнами обладали деревенские девушки и женщины. У мужчин тоже были свои тайны, но это совсем другое дело. Тем более мужчин – раз-два и обчёлся. – Или старые деды, или, простите за выражение, – сопляки. Что делать? – Война!

Но, описываемой деревне не повезло, потому что в ней жил Санька. И, может, у конкретной женщины Санька и не знал её конкретной тайны, но всё равно она подозревала, что он уже знает, или узнает её не сегодня, так завтра. Поэтому они перед ним заискивали. Кто даст яблоко, кто на закрутку махорки и тут же разрешали её выкурить. Так волей-неволей они давали понять, что здесь что-то не ладно, и давали повод Саньке вывести их на чистую воду. Он употреблял всю свою хитрость, коварство и настойчивость и докапывался до самых глубин. Здесь он торжествовал. В нём зрел талантливый сыщик или разведчик. И, конечно, в этом деле его ждали ордена и медали, и, дай Господь Бог, чтоб ему дали дожить до них. Но, нужно отдать ему справедливость он никогда не разглашал добытые сведения, но умело давал понять, что может это сделать если что, и это был его самый главный и хорошо работающий конёк.

Стасику – брату Володьки— о ком в дальнейшем пойдёт речь – (о Володьке), тоже было двенадцать лет. Ещё год тому назад он ходил на грядку капусты и недоумевал каким образом и в каком кочане отец с матерью нашли его. Но, слава Богу, он дружил с Санькой и тот всего за один год успел просветить Стасика и диаметрально противоположно опрокинуть Стасиково мировоззрение. А для наглядности и прочей убедительности Санька приглашал в кульминационный момент на чердак сарая наблюдать за своей матерью и офицером. Таким способом, через лабораторную работу закреплял в Стасике весьма нужные для жизни знания.

Сейчас Стасик должен Саньке показать Володькин пистолет. Слава Богу, мать ушла в сарай к корове и можно было действовать. Под тюфяком, на общем деревянном настиле, где они спали с Володькой и Колькой пока Кольку не забрали на фронт после прихода наших. Потом из сельсовета принесли повестку, что через три дня после мобилизации в первые пять

минут боя, он погиб смертью храбрых. Чему мать с отцом были «очень рады» за храбрость сына. Теперь под местом Кольки лежало это орудие, замотанное в тряпочку. Стасик вытащил дрожащими руками и с такой же дрожью развернул. На ребят глядело холодное воронённое железо причудливой и страшной формы.

– Ух, ты! Да это же парабеллум! Я с такого стрелял – сказал Санька – Когда я нашему офицеру намекнул, что всё знаю и готов принять соответствующие меры для пресечения этой любовной акции, он мне разрешил пострелять из трофейного пистолета. Знаешь как здорово, только руку немного дёргает. Это делается вот так! – И Санька выхватил пистолет, оттянул затвор и загнал патрон в ствол пистолета. Но тут послышались в сенах шаги и пришлось срочно находку водрузить на своё место.

В доме у Стасика и Володьки тоже какое-то время жил раненый старшина. У него, из-под вечно расстёгнутой гимнастёрки, выглядывала, почему то, матросская тельняшка. Хотя моря он, как сам говорил, в жизни не видел. А голова была всегда забинтована грязным бинтом. Это, по его утверждению, давало полнейшее право делать что угодно и ответственности он никакой нести не будет; так-как имеется справка, что он получил ранение и контузию головы.

Когда кто-то из официальных лиц деревни хотел увидеть эту справку, с ним тут же случался припадок, старшина падал, бился головой об землю и выкрикивал в бешенстве какие-то непонятные команды, но исключительно на военную тематику. На этом вся проверка и кончалась, тем более, что не принято было гражданским лицам проверять военных. Звали старшину – Борис. Когда он улыбался – лицо его от уголков глаз до скул превращалось в сплошные вертикальные складки, а рот, без каких-нибудь признаков губ, был прорезан до самых ушей. И с этой щели выглядывали очень редкие жёлтые зубы. Так выросли (зубы), пояснял он, зато не будет застревать в них мясо. В этом и есть преимущество редких зубов. Улыбался он одними губами, а глаза были неподвижны, прятались глубоко в глазницах и оттуда хищно буравили собеседника. Поэтому его улыбка была похожа на оскал.

Старшина с Володькой, старшим братом Стасика, нашли общий язык, несмотря на то, что по возрасту, характеру и внешности между ними была огромная разница. Не даром говорят, что соединение взаимопротивоположностей составляет одно целое.

Вначале Володька знакомил Бориса с незамужними чуть-чуть перезрелыми деревенскими дамами. Хотя в тот период все дамы деревни были незамужними. – Война. Потом ходил с ним по этим дамам и носил его автомат Калашникова – табельное оружие старшины. Старшина Борис считал, что каждый военный, причём, раненный военный, по званию чуть выше солдата должен иметь своего оруженосца. А Володька принимал это за честь. И на самом деде, он вырос в глазах односельчан. Его благосклонно встречали, особенно женщины, кому за тридцать, но ещё не сорок и не забывали спросить: «Ну как там Борис, выздоравливает? Будете проходить мимо, заглядывайте!»

Они и заглядывали. Но, сами незамужние дамы, на самом деле, уходили у Бориса на второй план. Чуть переступив порог, Борис всегда говорил одно и тоже – «И как говорится в романах, зашёл он, низко опустив голову...» Он полагал, что это придаёт ему особый шарм, и подчёркивает его интеллигентность. Уже после нескольких минут, и после нескольких фраз, например – «Сегодня пасмурно, а вчера в это время была солнечная погода», или: «Я первый раз встречаю такое благодатное село, где в каждой хате пахнет свежеизготовленным самогоном» и, если незамужняя дама вела себя как-то непорядочно, особенно, после слова самогон, и не проявляла никакой суетливости, то на этот случай у него была своя, им же выработанная тактика. Он вынимал колоду карт, медленно клал их по одной на стол мастью вверх и приговаривал: «Выпьём – не выпьём, выпьём – не выпьём, красная – выпьём, чёрная – не выпьём...» и так далее, пока не кончится колода. Причём, по мере убывания карт, он выговаривал это более медленно и более трагично, даже с дрожью в голосе. Если и после этого у хозяйки не проявлялась нужная реакция, то через минуту молчания он вставал и говорил: «Ну, Володя, нам

пора, мы вчера пообещали зайти в гости к Елизавете Петровне, небось заждалась!». И он начал очень медленно собирать карты, присматриваясь и примеряя их друг к другу. Такой ритуал у него занимал минут десять. И только после этого, если со стороны хозяйки не заметно было никаких сдвигов он говорил – «Вот и воюй, вот и получай ранения, ну не поминайте лихом нас, хозяйюшка, мы на досуге как-нибудь заглянем.» И они уходили.

Но были и такие незамужние дамы, которые выдерживали только до половины колоды карт. Они, почему-то краснея, схватывались, говорили: «Сейчас, сейчас, подождите!» – и куда-то убегали. Борис торжествовал, и говорил Володьке, в отсутствие хозяйки: «Вот так нужно работать, учись военной стратегии пока я у вас живу. Чем я дольше у вас пробуду, тем больше ты от меня научишься. Ты об этом, время от времени, напоминай своим родителям!».

Случалось и так, что ни к какой военной хитрости прибегать не было надобности. Хозяйка с радостью и улыбкой, после короткого приветствия, усаживала гостей за стол, появлялась наполовину полная, а то и полная бутылка самогона и кой-какая снедь. Какая там снедь во время войны?! – Картошка, да огурец, а если ещё хлеб с луком, то это уже пиршество. Борис тогда скупой рукой наливал Володьке чуть меньше чем пол рюмочки и говорил: «Ну, Володя, выпей и на сегодня получай временное увольнение. Благодарю за службу. Когда ты мне понадобишься я позову тебя дополнительной депешей!». Володька должен был ответить: «Служу Советскому Союзу!» и уйти. Тогда Борис у них дома появлялся на следующее утро, а то и через два дня. А иногда, даже, с поцарапанной мордой. Бывало что-то там не заладилось. То ли самогон кончился, то ли хозяйка не получала услуги соразмерной её угощению.

Вообще-то Борис от природы был не жмот. За верную службу он Володьке подарил трофейный пистолет «парабеллум» с одним патроном. А, учитывая его несовершеннолетний возраст наставлял – «Смотри Володя, я дарю тебе этот пистолет с единственным к нему патроном. Патрон находится в магазине. Если загонишь патрон в ствол, то обязательно выстрели. Ни в коем случае не оставляй патрон в стволе неиспользованным, иначе он выстрелит без твоего ведома. Прицельно, ты этот пистолет сможешь использовать только один раз, с тем единственным патроном, потому что в тылу ты таких патронов не найдёшь. Ты сможешь стрелять и отечественными патронами от автомата Калашникова, или ТТ, но это будет лишь пугач для ворон. Дело в том, что у них разный калибр. Пуля от отечественного патрона меньше диаметром и при выстреле она пролетит не больше трёх метров не имея никакой убойной силы.

Поэтому я тебе и дарю его, так как это будет лишь игрушкой, чтоб похвастаться перед друзьями. Понял? Ну, а если понял, то повтори слово в слово!». – И Володька повторил.

Пистолет он замотал в тряпочку, положил под подушку и очень редко лишь прощупывал его руками для убеждения. Да ещё тогда, когда перестилали постель. Постель они перестилали сами и перестилали её редко. Лишь тогда когда в тюфяке собьётся солома и появятся в тюфяках неудобные бугры, а так же неудобные провалы.

После отъезда Бориса Володьку закружило новым водоворотом. Да и сам Борис не то, чтобы уехал, скорее его увезли. Приехали какие-то военные, застали его у очередной незамужней дамы под большим подпитием, проверили документы, сорвали с головы повязку, сказали, что он уже год назад должен был прибыть в свою часть, что он дезертир, одели на него наручники и увезли. При этом у Бориса почему-то не случился нервный припадок, видимо – выздоровел. Через десяток лет, а может быть и больше, общие знакомые говорили, что кто-то видел его на Ухтинских нефтяных шахтах, а кто-то в Магадане на золотых приисках. Наверно он был там и там. – Натура широкая.

Володька. Ну Володька – случай особый. Несмотря на свои пятнадцать с половиной лет – орёл. Высокий, широкогрудый, нос прямой, чуть с горбинкой, глаза чёрные как донецкий антрацит, смотрят прямо, гордо, но доверчиво, шевелюра густая, по цвету вороньего крыла, голос уже сложился – красивый мужской баритон. Недаром его мать звали Теклей – отпрыск гордого кавказского народа. Где и каким образом его хромой, на много старше от Текли

Володькин отец повстречал эту красивую женщину и заставил влюбить в себя, остаётся загадкой. Недаром на такого парня, да ещё на перевес с автоматом, да ещё рядом с героем войны, засматривались его ровесницы и даже девушки, что давно были на выданье, но по известной причине замуж не вышли. Где найдёшь парней? – Война! Многие из них, так и останутся незамужними вдовами, а кости их потенциальных мужей лежат где-то под Киевом, или под Берлином.

Ирка, так звала её мама, жила за левадой. Нужно было обойти болото, пройти через лесок и так на отшибе от основной единственной улицы села, стоял Иркин дом. Жили они вдвоём с матерью. Отец на фронте. Письма доходили редко. Три года под немецкой оккупацией, вообще ничего не было слышно. Потом пришло письмо, через два месяца второе. Но написаны они были два года назад, Они с матерью надеялись и ждали, что придет более свежее письмо. Поэтому Ирка почти каждый день ходила на почту. Почта находилась посреди села прямо на дому у почтальона.

Почтальон был старый, лысый, сгорбленный, очень плохо выбритый мужик. Вечно у него на щеках торчали ключья не добритой щетины. Когда пришли немцы он далеко спрятал все почтовые печати, а по приходу наших он поехал с оказией в район, предъявил их и его оставили в прежней должности. Но так как почтовое отделение было разрушено (там был штаб полиции и его сожгли партизаны), то районное начальство согласилось, чтобы отделение было в его доме. За это ему полагалось несколько дополнительных трудовых, но это было лишнее, так как за них ничего не платили. Из-за старости, и из-за слабости почтальона, письма он не разносил, хотя это и входило в его служебные обязанности, а люди к нему приходили сами. Хочешь получить письмо – приходи к деду. А так, как многие надеялись на фронтовую весточку, то в его дворе образовался медийный сельский центр. Общими силами соорудили длинную скамейку и собирались там не только чтобы получить письмо, а и вообще обсудить все деревенские новости, читали газету, а она приходила в единственном экземпляре и с большим запозданием. Почту из района привозил один разбитой, разившийся не по годам, юнец раз в неделю. На разбитой, выдавшей вида таратайке, запряжённой такой же кобылой. При остановке кобыла опускала голову вниз и, казалось, ей хочется лечь, чтобы никогда не встать. Но предстоял ещё долгий путь до следующей деревни. При возгласе: «Но, залётная!» – она, не поднимая голову, медленно передвигала ноги. Кнута у извозчика не было, несчастная скотина и без кнута понимала свою каторжную роль. В другое время, её бы давно отправили на колбасы, но сейчас война, нужна тягловая сила, и она это понимала. На сходке, в основном, рассуждали о театре военных действий. Старики качали головой, дети слушали, засунув указательный палец в нос, а разбитые бабы предсказывали конец войны и утверждали, что после войны товарищ Сталин раздаст все земли народу – тут и к гадалке не ходи!

Вот на таком самопровозглашённом, вертепе Ирка и столкнулась с Володькой. Хотя они и раньше знали друг друга как облупленные. Иногда встречались, здоровались, даже перебрасывались двумя-тремя словами, но то совсем другое дело. Они были просто знакомыми односельчанами. Да и само слово – знакомство – в деревне было чужеродное. Какое там знакомство, когда они, само собой, знали друг друга от рождения до смерти. А здесь, вдруг, откуда она взялась, пробежала искра, и от этой искры оба одновременно встрепенились. Посмотрели друг другу в глаза и краска залила их лица. И им, как-то, стало стыдно, как будто они разделись друг перед другом, и почувствовали разность пола. Языки их как бы присохли, и не способны были выдать ни единого слова. Голова затуманилась и ничего больше не видела, кроме как глаза в глаза. Такой огромный взрыв новых непонятных эмоций, такое огромное напряжение, такая невыносимая жажда прильнуть друг к другу, и такое непреодолимое препятствие деревенских понятий о любви и чести, что они больше выдержать не смогли и, как по команде, разошлись в разные стороны.

Легко сказать разошлись. Каждый из них полностью оставил себя самого в душе другого, и каждый из них вобрал помыслы и сердца друг друга. О, какая это была ночь! Никто не спал до утра, хотелось встать и бежать, и бежать! Нет! – Лететь и лететь! За одну ночь выросли крылья, и такая огромная сила появилась в их душах, что они могли перевернуть горы, могли пробивать дороги через завалы, разрушая и сжигая на своём пути все препятствия, и всё было по силам, лишь бы прильнуть друг к другу. Это был бушующий океан. Но он ещё больше бушевал, что не находил выхода. И каждый из них знал, что, несмотря на свою страсть, на своё горение, на своё любовное страдание, им предстоит длинный путь, пока эти два океана сойдутся, бурно соединятся, вольются друг в друга и после этой благодатной, орошающей новые ростки жизни, бури, превратятся в тихий благодатный штиль, соединяясь, со звёздами, Солнцем, всем миром и почувствуют, что всё это, вместе с ними, есть одно целое, что это и есть Бог.

Солнце взошло в пять часов утра. Володька уже сидел на колоде поваленной вербы, недалеко от дома Ирки. Верба была повалена ветром, с вывороченными корнями. Она с укоризной показывала миру свою подземную часть, что так немилосердно обошлась с ней природа, но она не сдавалась. Новые ростки жизни, в виде тоненьких бледно-зелёных веточек из её корявой коры тянулись к Солнцу. Они жили за счёт ствола, пока ветер и Солнце не высосут из него живительную влагу. На опушке лесочка появилась Ирка. Увидела неожиданно Володьку и остановилась. Постояла. Опять сделала несколько шагов по направлению к нему. Снова остановилась. Потупила взор в землю и большим пальцем правой, своей босой ножки начала ковыряться в траве. Володька встал и подошёл ближе. Остановился. Второй раз подошёл почти вплотную. Ирка не поднимала глаз.

– Я искала гусей, – сказала она.

– Я, тоже – ответил Володька. – Гусей никаких не было. Всех гусей порезали и поели немцы, а другие ещё не наплодились.

Долго стояли молча. Что творилось в их душах? Первым поднял глаза Володька, за ним – Ирка. Улыбнулись. Иркина кофточка в районе сердца сильно пульсировала. Одновременно, с каждым вздохом, поднималась и опускалась, уже оформившаяся девичья грудь. Она волновала, она завораживала, она обещала. Он смутно понимал, что она обещала, но что-то большое, только ему принадлежащее, то, что могла обещать именно эта грудь, именно под этой кофточкой, именно у этого сердца. Разве он никогда не видел женскую грудь? На Украине? Где женщины особенного телосложения и их пышные формы все снаружи и не заметить их нельзя?! Конечно, видел. Но то разве грудь?! – Он не хотел обидеть своих сельчан и уничижительно отозваться о их груди, но... то была лишь анатомия. – Ни больше, ни меньше. Такая грудь могла быть у высеченной скульптуры, могла быть на рисунке, могла быть у Катки, что проявляла к Володьке своеобразный интерес. Ну и только! А эта грудь, грудь что пульсировала под Иркиной блузкой была создана богом и именно для него.

Они не заметили сколько так стояли, но как по команде подошли и сели на вербное бревно, на небольшом, но, всё-таки на расстоянии друг от друга. Володька повернулся и случайно задел рукой Иркино бедро. Его ударило током, в глазах блеснула молния и он как от раскалённого железа отдернул руку. Одновременно по телу разлилось тепло. Тепло, что заставляет жить, что повелевает жизнью, что продлевает жизнь. Шея и щёки Ирки залились густой краской и так и остались рдеть яркими маками. Оба сидели молча. Но в этом молчании было всё. Нет таких словарей, нет таких книг, нет такого красноречивого ума, чтобы описать, хоть половину, хоть маленькую часть такого молчания. И не нужно его описывать, потому, что это будет схематично, ходульно и не верно. Они не чувствовали сколько так просидели. Казалось, что один миг и, одновременно, целую вечность. На леваде появилась Иркина мама и позвала её домой. Ирка ушла. Пусть и очень не хотелось расставаться, но послушаться маму она не могла. Это деревня. Отношение между родителями и детьми не испорчены городскими извращениями голодной и сытой жизни.

Так продолжалось месяц. Не сговариваясь, не назначая друг другу свидания, они ежедневно после восхода Солнца встречались и сидели на их родной колоде. Видимо, какой-то небольшой корешок вербы оставался в земле, потому что её боковые веточки вытянулись, широко распустили листья и зазеленели. Они считали, что это хороший знак. Встречались они только утром, когда Солнце оmyвает землю и окрашивает всё своей чистой благодатью. И их души и помыслы были чистые. Только через месяц Володька очень робко поцеловал Ирку в щёчку. И этот поцелуй забил в их сердцах набатом. А его колокольные отзвуки неслись куда-то вдаль, в ихнюю даль, обещающую Рай и наслаждения. Они никогда не встречались вечером. Они боялись вечера. Каким-то одновременным чутьём полагали, что вечер с его колдовскими чарами, разрушит их чистые помыслы. Поставит точку на их таинстве, куда они так сладко стремились, и, не сговариваясь, оттягивали, полагая, что желание имеет гораздо больший потенциал, чем совершённое действие. Желание – это вечное свято, свято сладкого неизведанного, с полётом души в глубочайшие миры, с возможностью фантазировать широко, с бесконечной новью.

Какая бы не была взрывная кульминация совершённого действия, она ставит точку. А за точкой наступает, может быть и яркая, может быть и сладкая, но обыденность, с тупиковой фантазией повторения. – Пусть всегда процветает утро!

Однажды они пришли и увидели, что заветные веточки вербы исчезли, кто то поломал их. Возможно, коза деда Михея, водимая жаждой кому-то напакостить сорвала их и безжалостно сожрала. Странно, что эту козу не съели немцы. Но деду всегда везло. Даже бабка, после большого дедового подпития всердцах говорила: «Когда уже тебя чёрт возьмёт, чтоб освободил мою бедную душеньку?» – ушла раньше деда. Дед её похоронил и как бы на первых порах обрадовался, что некому будет его пилить. Но не позже, как через неделю опомнился, осознал своё старческое одиночество, и очень сильно загрустил. А вследствие этого – напрочь бросил пить, и обменял у своей соседки самогонный аппарат на старое ведро. Володька с Ирккой, в сломанных ветках увидели плохой знак и навсегда перешли на небольшой стожок сухой отавы, что находилась недалеко, того же деда Михея. Так прошло ещё какое-то время.

Некоторые учёные утверждают, что мир состоит из плюсов и обязательных минусов. Не было бы минусов, не было бы и плюсов и наоборот. Мы не учёные и залазить в такие дебри пытаться не будем. Однако, в нашем случае, из этого следует вот что. – Если есть счастье, то есть и несчастье. И в какой-то песне говорится, что они ходят рядом. Как-то Володька шёл из колхоза под вечер. Сегодня ему выпала честь мазать серной мазью коростяных колхозных лошадей. Ещё война не кончилась и товарищ Сталин землю не раздал. Как вы знаете, он её и после войны не раздал. Навстречу шёл дед Михей и тянул на верёвке злорадное животное. Коза или упиралась, или пыталась его боднуть под зад. Коза посмотрела на Володьку таким злорадным смехом, что душа сжалась в маленький комочек. Поравнявшись с Володькой дед остановился, Володька тоже остановился. Дед крикнул, высморкался и вытер нос засаленным рукавом.

– Ты это... это вот... ты Володя... я же говорю, ты парень хоть куда... даже городская, и то... так ты вот это... – Володька похолодел.

– Что ты мычишь, дед, говори толком.

– Ну я же говорю... что ты вот это... да приехал к ней, вся грудь в орденах, это ж вот, к твоей Ирке. Там такой... только с палочкой, видно в ногу ранило. – У Володьки оборвалось сердце, но он возразил.

– Ну и что, и у нас жил раненый военный. Правда, его заграбастали потом...

– Ну нет, сынок, там дело такое... ну ты смотри... может, оно и не то, только вот тебе пятнадцать с гаком, а ей уже поди двадцать... наверное. Вон оно какое дело. Ну ты не того... – дед дёрнул козу за налыгач и пошкандыбал, сильно наступая на пятки. Не может быть думал

Володька, она не может со мной так поступить. Он поравнялся с Воротами Катьки. Катька, как ждала его. В её глазах дьяволёнком играли злые и насмешливые искорки.

– Ну что сосунок? Приехал к твоей, не чета тебе. Значит от ворот – поворот – и она засмеялась. – Нашёл себе кралю, подумаешь... и Катька скрылась в глубине двора. Через несколько дворов его остановила баба Бегерыха —

– Слышь, малец, а к твоей Ирке приехал жених. Но ты не тужи, – зачем она тебе старая кляча. Он моя внучка – Оля. Уже четырнадцать лет. Как раз твоя пара. – Чувствовался дефицит мужчин. Володьку помутило, а на глазах выступили слёзы. Мир померк. Земля ускользала из под ног. Он в полнейшем замешательстве пришёл домой, а там Санька. Санька. так посмотрел на Володьку, что этим взглядом сказал и ясней, и больше всех. Это была последняя капля.

Ирка, моя Ирка! Рухнуло всё. Но у него было Эго. Раньше он не знал о его существовании и не знал на что оно способно. Но вот оно появилось, завладело его телом, его душой, его сердцем, его рассудком. Он уже не владел собой. Им владело его Эго. И оно действовало, оно совершало поступки.

Володька залез под тюфяк, схватил пистолет, положил во внутренний карман пиджака и выбежал. Он не бежал – он летел! Сейчас, через несколько минут... одного патрона хватит, чтобы разбить этот любовный треугольник и превратить его в прямую линию. Какой из углов исчезнет покажут обстоятельства.

Луна предательски зашла за тучи и ему пришлось пробираться наощупь. На небе ни одной звезды. Какие-то отвратительные мелкие твари ускользали у него из под ног. Роса мочила царапины на его босых ногах и они жгли как от серы. На знакомой тропинке кто-то бросил корягу, он об неё споткнулся и пришлось обойти через болото, закатав штаны. Где-то в роще ухала надрывно птица, а ее эхо повторяющееся много раз было похоже на демонический хохот. Эти чёртовы лягушки, со своими брачными песнями, бередили душу и напоминали ему, что он только вот сейчас потерял. О господи! Какой раньше был хороший, привлекательный и желанный окружающий мир! Но это были только иллюзии. Сейчас он его рассмотрел. Только сейчас он столкнулся с ним один на один. Вот они, те гадкие стороны, что их тщательно прячут за благостными улыбками, за ложными признаниями и фальшивой любви. Идти дальше, или не идти? К чему? Он остановился. Один патрон, всего один патрон. Володька постоял в нерешительности и всё таки пошёл вперёд. Нужно посмотреть в глаза ей и ему. Что он будет делать он не знал, но нужно посмотреть в глаза. Что в них в этих глазах? Есть ли та глубина о которой пишут все лживые книги, или только мелкая гнилая и отвратительно зелёная заводь.

Вот он возле дома. Вот она дверь. К этой двери всего три шага. Всего три мгновения, или три вечности. Вчера это были бы желаемые и приятные мгновения. Сегодня это три вечности. В них вместились вся его жизнь и ещё тысячи жизней до него и после него. Как их преодолеть? Какая-то сила толкала его вперёд и какая-то сила удерживала. Какой-то голос шептал: «Беги, сохрани себя, завтра взойдёт Солнце, завтра будет всё по-другому, ты живёшь и Бог живёт в твоей душе в твоём теле!». – Но другой голос, какой то скрипучий, одновременно визгливый, отвратительный, громовой мощью давил уши бил в виски, пробежал дрожью по его телу, кричал, требовал, настаивал: «Иди! ты мужчина! не теряй мужского достоинства, иначе мир рухнет! отстаивай своё право! Дерись! Дерись за свою жизнь, за своё счастье! Иначе погаснет Солнце и исчезнут звёзды! Это твоё единственное счастье, другого не будет – оно приходит раз! Раз и навсегда, удержи его!».

Сердце оглушительно пулемётной очередью колотилось в Володькиной груди. Ему вторило эхо. От такого эха пульсировал весь мир. Он не помнил, через секунду, или через тысячу лет, взялся за ручку и дрожащей рукой открыл дверь. Он зашёл в дом. Он не видел ничего. Он не осознавал ничего, на какое-то мгновение, кажется, потерял рассудок. Но тут он услышал такой знакомый, такой милый и дорогой голос —

– Володя! О, Боже! Как хорошо что ты пришёл! Заходи. К нам приехал гость. Знакомьтесь. Его зовут Николай Леонидович. Это мамин двоюродный брат, возвращается после ранения в свою часть и сделал такой крюк, чтобы навестить маму. Я хотела уже бежать за тобой. Николай Леонидович завтра уезжает. – Дядя, – она обратилась к Николаю Леонидовичу, – это Володя. Мой Володя, он намного младше меня, но это мой Володя. Познакомьтесь.

Николай Леонидович встал из-за стола, подошёл к Володьке, взял его, ещё дрожащую, руку и крепко пожал. Потом обнял его дружески за талию, подвёл к столу и усадил. К Володьке постепенно начал возвращаться естественный мир. Под потолком висела керосиновая лампа, отбрасывая во все стороны фантастические тени и ждала поэта, или художника, чтобы начать с этих теней и развить умопомрачительные сюжеты. По другой стороне стола сидела Иркина мама и приятно улыбалась Володьке. Ирка стояла возле русской печки, облокотилась на припечек и тоже приятно улыбалась. На столе стояла бутылка недопитого самогона, несколько стаканов и неказистая сельская снедь. Воцарилось молчаливое благоденствие. Нарушил молчание Николай Леонидович.

– Для знакомства – по маленькой. – Володька выпил и начал приобретать дар речи. Оу чувствовал, что уже может говорить, но не находил никаких слов. Да ещё и не прошёл пережитый стресс. Выручил Николай Леонидович. Он начал рассказывать как его ранило, как попал в госпиталь и ещё разную фронтовую всячину. Но он видел что Володька это воспринимает без особого интереса. Он сидел как будто его окунули в воду, вывели из первого шока, но ещё не вынули из воды. Николай Леонидович поменял тему.

– Давай напрямую, герой. Тебе племянница моя нравится? – Вижу, что нравится. Не упusti. Ладно. Вам с нами не очень интересно. Даю вам увольнение. Тебе, Володя, до завтра, А племяшке – на три часа. – Идёт? Вижу, что идёт. Идите посчитайте звёзды, потом расскажете. – Володьке показалось, что он ему подмигнул. Но это, наверно, только показалось.

Как только они оказались на улице плотина прорвалась! Не успели закрыть дверь. как Володька с жадностью голодного дикаря, с напором льва, с любовной яростью тигра, до излома костей прижал к себе Ирку и впился губами в её губы. Он высасывал её влагу. он чувствовал её язык, ноздри улавливали дурманящий запах, тот запах, что может уловить и отличить только влюблённый, тот запах, что будет в памяти десятки лет и будет чудиться за сотни километров. Всё поплыло, всё кружилось, потом всё исчезло и остался единственный мир. Мир чувств и осязаний. Вот она эта грудь, своей упругостью прижалась к телу, вот оно это сердце, что трепещет с той же амплитудой, что и Володькино сердце, с амплитудой земли, Солнца, звёзд и всего Мироздания. Вот оно единое целое, что воссоединилось из двух половинок, ищущих и страдающих. И ничего больше не нужно. Да разве может быть что-нибудь большее, кроме полноты ощущения этой радости и счастья. – Нет! – Всё остальное мелочь! Потому, что всё остальное – только фон. Бледный фон, чтобы увидеть как ярко вспыхнула звезда воссоединения двух любящих сердец. И не для кого-то. Нет! Только для них одних. Володька обнимал и с радостью осознавал. Что всего полчаса назад он это сокровище потерял, потерял, может быть, со своей жизнью, а сейчас нашёл, и нашёл навсегда. Навсегда!

Послушное тело Ирки угадывало его все желания, и повиновалось им. Она только шепнула —

– Пойдём на сеновал. На наш сеновал, что приготовил дед Михей. – На сеновале те же объятия, К Иркиному запаху присоединился запах сена, что было сверх естественно. Его рука прикоснулась к её груди, к обнажённой груди, он припал к ней губами. Его рука впитывала наощупь всю прелестную красоту девичьего тела. О, господи! Как можно было создать такое совершенство?! По мере движения руки Володьку охватила нервная дрожь. Дрожало и Иркино тело. И вот лоно! Вот оно лоно! Сто молний вспыхнули в Володькиной голове. Застонала Вселенная. Он сделал какое-то движение и провалился. И ничего не помнил. И, как бы уходя от дей-

ствительности, он ничего не понимал. Он ощущал только безграничное счастье. Проснулся он от Иркиного поцелуя.

– Проснись милый. Уже поздно. Иди домой. Не провожай меня, здесь рядом. Теперь я – твоя, а ты – мой. Мой! Мой! Мой! И никто и ничто никогда не разделит нас.

Какая прекрасная жизнь! Какая прекрасная земля! Небо очистилось от туч и необъятный звёздный свод раскинулся от горизонта к горизонту. И говорил он: «Смотрите, это я создал глаза, чтобы вы видели меня, это я создал ум, чтобы вы осознали меня. Это я вашими глазами вижу себя, а вашим умом осознаю себя, потому, что я и вы это одно целое. Серпастая Луна зарумянилась и зацепилась за далёкий стог сена, а вокруг ореол сияет голубым серебром. Вдали дома на сереющем небесном фоне растянулись в одну линию и только вербы возвышаются над ними как сторожевые башни. Точно также из-под ног убегают травяные лягушки, но уже с приятным шуршанием и с приятной прохладой прикасаются к босым ногам. А водяные лягушки, что три часа назад так неприятно квакали, вдруг стали исполнять прекраснейшую мелодию, мелодию продолжения жизни. Уже взлетели жаворонки, повисли над лугом и их серебристый голос оповещал о приближении утренней зари. Какая прекрасная жизнь! Скорее бы, скорее бы вечер, которого они с Ирккой так боялись, а теперь так жаждали. Как переждать день? Как?

Идя домой, в таком прекрасном расположении духа, Володька почувствовал что какая то тяжесть оттягивает ему карман. И только сейчас осознал, что с ним пистолет. Как он его сейчас возненавидел, И возненавидел себя, что ещё недавно таскал для Бориса с гордостью автомат.

Как можно других лишать такой прекрасной жизни? Он вынул пистолет, нажал на рукоятке кнопку, вытащил чуть выпрыгнувший магазин с единственным патроном, думал он, и швырнул его в бурьян. Он хотел тут же выбросить и пистолет, но подумал – нельзя рядом, кто то найдёт и будет стрелять. Двадцать шагов до канавы с водой туда он его и швырнёт. Какая прекрасная жизнь! А есть дураки, что сами себя лишают этой жизни. У них, наверное, никогда не было Ирки. И, смеясь над ними, он захотел их передразнить – это они делают вот так. И он поднёс ствол пистолета к своему виску. Он был твёрдо уверен, что патрон выбросил вместе с магазином и нажал на курок.

Серп луны вдруг перевернулся и куда то улетел. Весь небесный свод вспыхнул вначале голубым, а потом ярко красным огнём и поглощал сознание. Языки его пламени нарисовали большой силуэт Ирки и безжалостно сжигали её. Остались только глаза, вначале пронзительные, потом печальные глаза. Их огни сжигались последними. Исчезли и они. Красный огонь вновь превратился в расплывчато-голубой, потом в серый, потом в чёрный. Над лугом висели жаворонки, их красиво печальные трели неслись над полями и что-то рассказывали миру... И ещё тысячи лет что-то будут рассказывать миру...

## Стояли двое, или естественная зависть

На тротуаре, недалеко от автобусной остановки, с очень устойчивым запахом бензиновой гари, где раньше стояла передвижная тележка – (не автомат) и торговали газированной водой – сейчас пустое место.

Немного уйду от темы. Сейчас вряд ли кто-то помнит автоматы по продаже газированной воды. – Это мастодонт, чуть выше человеческого роста со своеобразной печуркой посредине лицевой стороны. В печурке стоял стакан, была мойка и было две щелочки для мелочи. Бросишь три копейки – прольётся стакан воды с сиропом, бросишь одну копейку, тот же стакан, но без сиропа. Не утолил жажду – можешь повторить хоть десять раз. Налъёт! В трёхкопеечную щелочку еще можно было воткнуть и двадцать копеек. Они оказались одинаковыми по габариту.

В городе, где я живу таких автоматов было штук сто. Город южный – пить хочется. Но, залезаешь в карман, а там нет ни одной трехкопеечной, или копеечной монетки! И ни у кого не выпросишь, и даже не разменяешь. Всем хотелось пить и не один раз за целый божий день! А вот двадцульки в кармане почему-то водились. Если очень хочется пить, то та щелочка что под три копейки охотно принимала и двадцать копеек. Но это была бандитская щелочка, потому что она выдавала не почти семь стаканов воды, как полагалось при честной советской торговле, а только один. И хоть куда жалуйся! Хоть к прокурору пойдешь – ничего не поможет. Знал, что даст один – не провоцируй сам себя!

Наша художественная мастерская продовольственного ОРСа была в одном здании с мастерскими по обслуживанию торговых автоматов. Мы заходили друг к другу поделиться сплетнями, или просто посмотреть кто что делает.

В 11 часов вечера, три мужика на мотороллерах объезжали автоматы по продаже воды и изымали медь, как они говорили. Потом их считали тоже автоматическим счётчиком. Но прежде чем загрузить медь в счётчик, ребята вручную отсортировывали монетки достоинством в 20 копеек. Потом по честному (а иначе не могло и быть, так как мастодонт тоже считал количество монет в чрево его вложенных, и выдавал сведения кому следует), меняли двадцульки на трёшки.

После честной делёжки, с кем следует, у каждой троицы оставалось маржи, или как тогда считали навару – рублей по тридцать ежедневно. Умножьте на сто двадцать жарких дней и получалось 3500 рублей левых. Два года и ребята покупали автомашины. Но их больше двух лет не держали. После двух лет эту должность получали уже другие, приближённые к кому следует люди, желающие купить машины.

Извините за отклонение. Потомки должны знать как жили предки при развёрнутом социализме, строящие этот социализм.

Теперь о пустом месте на асфальте.

Оно не только пустое, а дважды пустое – потому что кусок не заасфальтированного тротуара, по абрису, когда-то стоявшей газовой тележки. (Но не автомата – Была продавщица) – Один метр – на полтора, если не быть совсем точным! Тележка не стоит уже давно – и, вследствие, по кромке её бывшего абриса пробивается худосочно лебеда и другой трудно узнаваемый бурьян никем не жалуемый. Сейчас, вместо когда-то вожделенной тележки, стояли двое. Проходим не мешали. – Заняли, что неудобное для движения прохожих место. Ушлые!

Один – высокий худощавый с длинной шеей и огромным кадыком одет в клетчатую рубашку. Рубашка с чужого плеча и на чужом плече носилась долго. – Сейчас свисала рукавами, явно не родной руки, как у подбитой вороны крылья. Клетчатая материя скрашивала... скорее скрывала телосложение (если кто им интересуется) худосочного товарища, (тогда мы

все ещё были товарищи), и определить – насколько тело лишилось бывшего жира и бывших мышц, если даже они когда-то были – невозможно.

Зато, когда-то белая соломенная шляпа хоть и почерневшая и пожелтевшая от времени – одета по молодецки, набекрень! – Ухарь!

Широко открытые бесцветные глаза, близко посаженные друг к другу, не таились в глубине за крючковатым носом, а так и бегали туда-сюда. Живые!

Когда он о чём-то повествовал, то выпирающий кадык, в своём диапазоне, совершал вертикальные движения – то опускался, то поднимался. Не заметить его невозможно. Он полностью овладевал вниманием визави и никакая шляпа, и никакая рубашка не могли поспорить с этим анатомическим отростком, и хоть на мгновение, привлечь к себе внимание шляпным, и рубашечным гардеробом.

Звали человека Оглобля. По крайней мере – сейчас. И звали вполне законно. – Мельком взглянуть на фигуру, то кроме оглобли поставленной вертикально, ни с каким другим предметом, знакомым широкой публике, сравнить было невозможно – если смотреть в фас. А вот, если в профиль – то оглобля превращалась в коромысло, только сильно покрученное жизненными невзгодами.

На какие средства Оглобля жил никто не знал, и вряд ли кто-то интересовался. А он никому и не рассказывал. – Ни к чему! Но раз жил – значит средства, пусть самые маленькие, время от времени, у него крутились. Отсюда и бутылочка пива. А иначе – за что?

В те времена развитого социализма – (за что кто-то жил), могли заинтересовать лишь работников ОБХС и милиции. А им не до Оглобли! Были типажи и покруче. – Скажем, – заведующие мясными отделами гастрономических магазинов, а то и директора вождеделенных магазинов, и не только гастрономических. – Поле деятельности широчайшее! А с Оглобли – что возмёшь? Живёт человек – и пусть живёт! Если ты не дразнишь никаких собак, и никого не провоцируешь укладом своей жизни, то и ОБХС не было никакого дела до твоей жизни! Ползай по намеченному тобой кругу и благоденствуй! Сорвал где-то пару копеек, купи бутерброд, а нет то и так уснёшь. Нужно лишь было лавировать как эквилибристу на натянутом канате социализма, чтоб не угодить за тунеядство! Тунеядство – слово древнее, церковное. Откуда оно пришло на Русь – пока в процессе исследования. Мы так полагаем, что ни один не тунеядец, в хорошем понимании такого нетунеядского слова, напишет не одну диссертацию чтобы получить звания научного сотрудника, а то и профессора! И напишет! – Время такое – быть профессором престижно. Научный сотрудник, хоть какой (главное, чтоб знали что он научный сотрудник) мог подходить не к пустому мясному прилавку в торговом зале, а спускаться прямо в подвал, где это самое мясо хранится, и, уже без заискивания, с гордо поднятой головой советского гражданина, купить килограмм говядины.

Но мы отвлеклись.

Сейчас Оглобля держал в руках бутылку пива и отпивал из неё маленькими глотками. Растягивал удовольствие. После каждого глотка поглядывал на бутылку. Решал – то ли, сколько он уже отпил, то ли, сколько ещё осталось! При этом он, чтобы лучше увидеть, подымал бутылку вверх, закрывал один глаз, чтоб не мешал другому, ориентируемому на заходящее солнце, и через густой зелёный цвет пивной бутылки, и недопитого в ней пива оценивал на какую сумму выпил, или на какую ещё предстояло выпить, то ли оставить на завтра. Солнце – оно и в жизни Оглобли имело решающую, или оценочную роль. Конечно – Солнце летнее от Солнца зимнего отличалось. – Ещё бы! – Однако, после ревизии содержимого бутылки – выражение лица его не менялось. – Сфинкс!

Его визави, стоявший рядом – то ли друг, то ли просто проходящий мало знакомый, был чуть пониже, но гораздо плотнее! Оглоблей его, ну никак нельз назвать! – Явная противоположность! Скорее всего – колобок, к которому внизу воткнули два чуть отёсанных бревна и назвали ногами, а верху приспособили ещё один, но гораздо мельче колобок! В этом при-

способленном сверху колобке – (все знают как он называется), наметили расплющенный носик и узенькие, как прорезанные ножичком колючие глазки, с огромными мешками под ними. И ещё провели горизонтальную чёрточку под носом, чтоб назвать такую чёрточку – ртом. Шутники говорили – совсем русский!

Колючие глазки чуть спрятались под козырьком огромной грузинской кепи, чтоб не были, на любой взгляд, колючими. (Кепи, если он купил, то очень давно, но скорее она досталась от прежнего узкоголового мужа его теперешней жен., Из за того на колобок она не налазила, а лишь держалась сверху). Но как у Оглобли шляпа – кепи на колобке, одета набекрень, Такой же ухарь! – Родство душ.

Звали колобка – Хромой. Подтверждение тому служила палка, – на неё он опирался. Палка сверху до низу орнаментирована резными листьями несуществующего дерева, вырезанными, на скорую руку! На произведения искусства она не тянула. Мастером, резчика упомянутой палочки, можно назвать лишь условно! Резчиком был сам Хромой, и это говорило о том, что он мог хоть что-то немного изящное делать своими руками.

Если Оглобля обладал бутылкой пива, то Хромой стоял насухую. Правая рука опущена по швам и... как замерла. Зато левая шевелилась в кармане его собственных суконных брюк и производила там чуть ли не ритмические движения! Возникало впечатление, что он в слепую считал в кармане мелочь, определяя, хватит ли на бутылку пива. А если рука не покидала карман – то явно мелочи на бутылку пива не хватает! Рука не покидала карман ещё и потому... (предположительно), чтоб Оглобля видел – в кармане-то Хромого что-то есть, (всё таки!) и при благоприятных условиях можно бы сыграть в складчину!

Хромой гладко выбрит – и брился он перед зеркалом! В том не могло быть никаких сомнений. – Ни одного не добритого волоска на лоснящейся, красной, как борщовой буряк физиономии! А вот на счёт Оглобли – то побрит он полянами. Брился сам тупой и уже ржавой бритвой. При чём – без зеркала. А без зеркала, бритва так и норовит оставить порезы. Сущие пустяки! – Для Оглобли – мелочь!

На Хромом рубашка своя, но смотрелась тоже как с чужого живота. Она сильно обтянула грудь и живот. Пуговицы от натяжения чуть ли не обрывались. Междупуговичное пространство изображало на груди полу-дуги. Они напоминали листья вездесущей лебеды, и оттуда нахально выпирал седеющий волосяной покров. Грудной волосяной покров делал хромого солидным. По цвету он, чем-то напоминал его кепку. – Работал стилист – не иначе! – Природный.

Возраст, каждого шагнул далеко за тридцать, но не дотягивал до шестидесяти – не пенсионный. А жаль! – Каждый имел бы хоть маленькую, но копеечку!

По какому случаю они сошлись – им было до лампочки! Шли и остановились. Сейчас просто стояли! Проходим не мешали – и хорошо!

Солидные мужчины, (а они себя считали таковыми), то и мы будем их так называть, были заняты обсуждением бочкового пива, что наливали в стеклянные специальные полулитровые бокалы предназначенные только для пива. Каждый бокал продавщицы норовили продать с высокой шапкой пивной пены! Все знали, что за счёт пены им не доливают грамм пятьдесят вожделенного пойла. Однако, так приятно было сдуть скраешка бокала шипящую подушку и добраться губами до желанной золотой жидкости. Поэтому маленькую погрешность киоскёршам прощали.

Прощали ещё и потому, что, именно на этом месте, довольно упитанная, (её собственное дело!), косившая одним глазом, вечно улыбающаяся клиентам, Марфа Лазаревна, к пиву подавала и сушёную рыбку за дополнительную плату. Таким сверх нормативным сервисом во времена развёрнутого социализма, она привлекала дополнительных покупателей. И возле киоска вечно толпилась очередь любителей пива, человек из трёх – четырёх.

В пивном киоске, по социалистическим нормам, торговать другой, будь какой продукцией, запрещалось. – Пивной киоск – пивом и торгуй – и никаких гвоздей! – Понимаешь ли! Так можно во что угодно превратить! – Киоск – то...

Но она – (потому и Лазаревна, что знала, где и как можно немножечко, без вреда развёрнутому социализму обойти его, или немножечко отодвинуть в совсем маленькую сторонку!). До открытия ларька Лазаревна успевала сходить на рынок и у специальных людей из подпола купить маленькие сушёные рыбёшки. (Специальные люди, торговавшие рыбёшкой, тоже знали как не столкнуться лбами из развёрнутым социализмом!). Из подпола потому, что на рынке тоже запрещалось торговать маленькими сушёными рыбёшками – (ведь это ростки капитализма!), а в магазинах их не было. Вот не было – и баста!

За нет – суда нет и социализм ни при чём! – Нерест был плохой! А у социализма есть дела более важные! Не заниматься же какой-то поганой рыбеёй мелюзгой, когда, скажем, тракторный завод недостроенный! А ещё каждый клянчит у того же социализма – «Дай квартиру!» – «Дай квартиру!» – Какие нервы выдержат такое?!

Зато теперь все понимают, что подпольная торговля так называлась не потому, что она была под полом – а под полой.

Вот, и в ларьке, Марфа Лазаревна торговала рыбёшками хоть из под прилавка, но это называлось из под полы. Таким образом каждый имел свою дополнительную копеечку. Тогда слова, в общем обиходе – «маржа» – не было, но это означало, что если Марфа Лазаревна покупала рыбёшку за десять копеек, то конечно же... а как иначе – продавала за тридцать одну копеечку! – Одна копеечка сверх тридцати означало, что у Лазаревны точный учёт, и так показала калькуляция! – Не две же копейки сверх тридцати!

Часто рыбёшку эту покупали вскладчину. Одна рыбёшка на три мужика и три кружки пива. Выгодней!

Когда, пьющий пиво стучал купленной рыбёшкой, возле киоска, об приставленный специальный стол и сдирали с неё шкурку – было не страшно. – Где взял рыбу? – Вдруг спросит проверяющий любого ранга и любой инстанции...

– С собой принёс – ответит сдирающий с рыбёшки шкурку и чешую. И все дела.

Никому и в голову не приходило продать Марфу Лазаревну! Не продавали её и специальные проверяющие органы. А их было не мало! Проверяющий и официальный, и прикинувшийся официальным органом – получал свою копеечку, плюс выпивал бокал пива, и был таков. Не жизнь, а малина! И все друг друга называли по имени отчеству. Культура!

Поэтому и не цеплялись – «Где взял рыбку?» Все знали, что существует целая цепочка, где не положено знать – «Где взял?»! И эта цепочка помогала жить.

В самый зенит приятных воспоминаний, и главное в тот момент, когда Оглобля под наплывом дружественных чувств хотел передать Хромому бутылку с недопитым глотком пива, колобок Хромого вдруг превратился из багрово красного в бледно охристый. На этой охре неизменно выделялись по прежнему красным – прыщи и бородавки.

Как чёрт из табакерки возле хромого очутилась нежданно-негаданно представительница прекрасного слабого пола. Из всей её внешности чётче всего выделялась общая худоба и, так называемая, женская головка с очень внушительным горбатым носом и злыми на выкат глазками. (Глазки потому, что всё таки это женский пол!). Головка каким-то образом сантиметров на пятнадцать выдвинулась вперёд, и казалось, что живёт отдельно, а всё остальное осталось чуть позади. То ли так было задумано в самом начале, то ли то, что осталось позади за прожитую жизнь, отстало от головки, да уже и не суждено было... догнать! Поэтому вся фигура прекрасного пола состояла, как бы, из двух частей, что противоречило всякому здравому смыслу!

На втором плане появлялись непропорционально длинные руки, открытые до самых локтей. Мало того – если сами руки имели бледный цвет и хвастались худобой и жилитостью, то кисти их были еще непропорциональней. То ли только казались на общей худобе большими,

загорелыми и сильными. Попадись в такую кисть – не вырвешься! Это подтверждала и появившаяся охристость физиономии Хромого!

Дама вначале посмотрела угрожающе на Дылду, но её взгляд запутался в его глубоко посаженных глазах, в них же и загнулся. Не получив желаемого удовлетворения, она перевела свой, особо свирепый взгляд, на собственного мужа. Но и там не получила удовлетворения, так-как привычный приемник её взгляда от очень частого употребления как бы притупился. Нужно было менять тактику!

Вначале он и она – то есть – Хромой и новоявленная леди секунд сорок глядели друг на друга, как питон на жертвенного зайца совершенно без звука. Потом кисть леди, так же неожиданно, как движением названного ползучего, описала дугу, чтобы отвесить пощёчину побледневшему колобку. Но... Хромой с завидной прытью увернулся, и слава Богу! Похоже такой жест был хорошо оттренированный.

Увесистая ладонь леди, не получив нужного сопротивления от физиономии Хромого, замахнула впустую и потянула за собой всю её женскую статью. Потенциальная энергия руки превратилась в кинетическую и развернула всю её фигуру на триста шестьдесят градусов!

Тогда она, представительница этого пола, выпрямилась, получив под ногами твёрдую почву, вновь повторила свою попытку. И тоже – мимо! Третья попытка, но уже другой рукой, принесла тот же результат! По всей вероятности три попытки были нормой.

Четвёртой не последовало. Физиономия Хромого медленно приобретала, свой девственный цвет. Он уже не боясь пощёчины посмотрел Оглобле в глаза, молча развёл руками, развернулся на сто восемьдесят градусов и медленно побрёл, видимо в сторону своего дома.

Не будем томить читателя – воинственная Юнона была законная жена Хромого. Она не сказала своему мужу ни слова, но молчание в это время было свирепое, и общее состояние самое предгрозовое – очень напряжённое! Кажется искры, со всех сторон острые, посыпались из всего окружающего! Рядом растущая акация всеми лепестками сориентировалась по стойке смиренно! – Ведь неизрасходованный заряд, так и остался в груди и сердце у представительницы слабого пола.

Но Хромой знал, что сегодня ещё предстоит ужин и его дальнейшая супружеская жизнь – не стал ждать четвёртой попытки мордобоя. И чтоб не позорить свою жену, серьёзными неудачами виновато посмотрел Оглобле в глаза.

Жена Хромого, как выстрелила Оглобле тоже в глаза, что-то хотела сказать, но, перебрав несколько предложений и не найдя в них ни одного без язвительного мата, повернулась и пошла вслед за Хромым. Шла она важно, своей особой походкой восполняя пробел неудавшегося спича. Выпиравшие кости ягодич под выцветшей юбкой переваливались то вправо, то влево.

Хромой знал, что после предварительной обработки придётся окунуться в дела семейные и, хоть на его взгляд, очень скучные но привычные, даже, до некоторой степени, приятные.

Шёл он и завидовал Оглобле. Его свободе. И всем другим Оглоблиным делам. – Живут же люди! – думал Хромой.

Оглобля равнодушно сплюнул, допил пиво и аккуратно поставил пустую бутылку возле ног, так чтоб не опрокинулась. Заберут, кому нужно. Потом снял шляпу, одел её на прежнее место и, чуть посвистывая, пошёл в противоположном направлении.

Он шёл и ликовал. Завидовал сам себе. Своей независимости, своей свободе.

Возле бордюра сидел рыжий кот. Оглобля машинально, без всякой дурной мысли замахнулся на кота старым штиблетом на босу ногу. Кот успел отскочить. Сел метра на полтора поодаль и презрительно посмотрел в глаза Оглобле. Оглобля улыбнулся и примирительно погрозил ему пальцем.

Этот поступок еле заметно царапнул душу. Что-то было не ладно. Потом он прошёл мимо двух беседующих женщин. Остановился. Снял шляпу, правой рукой взмахнул шляпой, рисуя дугу на уровне своих колен, и картинно поклонился. Набрался смелости, хотел заговорить ком-

плиментарно, но женщины повернулись и ушли. Не поняли поступка! И слава Богу, потом подумал он. Что мог сказать он им?

Побродил по улицам. Зашёл в магазины. То в промтоварный, то в продовольственный. Безучастно посмотрел на покупателей и продавцов. Безучастно вышел. Пошёл в сторону сквера. В парковом ларьке купил бутерброд. Сел на скамейку. Безо всякого аппетита съел его. Опять что-то царапнуло. Что-то не так.

Ах... вот что! Он вспомнил сцену с Хромым. Задумался. Думал долго...

Да! ... Окажись сейчас на месте Хромого он бы от пощёчины не отвернулся. При этом Оглобля потрогал свою щеку и почувствовал магическое приятное ощущение от, к сожалению, не полученной пощёчины!

Сейчас, он так же как Хромой поплёлся бы к своему воображаемому дому. Его бы ругала женщина с любыми ягодицами, пусть в старом, пусть в самом засаленном платье, а он бы радовался. Потому что есть за что ругать его. И он позавидовал Хромому и чёрной, и самой белой завистью.

Подошёл незнакомый пёс. Конечно, такой же бездомный собрат его. Постоял немного, хотел сесть, но подумал – «нет, не товарищ!» – и молча медленно ушёл.

Уже была глубокая ночь. И в прямом и в переносном смысле.

## Село Плоское – город Сочи

Бывает же такое! Жил-жил мальчик в родной деревне, знал все тропинки, каждое дерево за околицей. Ходил в огород, срывал с ветки помидор, или огурец и, тут же, съедал его... В школе был отличником.

Нет! – Начну сначала. Может будет интересней.

Было время, когда никакой деревни не было. Раскинулась во все стороны сплошная степь. Во времена засух бродили голодные волки, так как зайцы погибали ещё раньше от голода. Негде было гнездится орлам, хотя дикие утки прилетали на редкие и скудные естественные водохранилища. К осени естественные озёра пересыхали, но утята уже вырастали и становились на крыло, можно было готовиться в дальний путь на зимовку. Где была их зимовка – степь не знала.

Зимой морозы и снежные вьюги. Красота, наверно неопишуемая, выбеленная белым естеством, но никто его не видел – это естество. Лесов почти нет, зверья мало, поэтому естество, такое природное, охотничьими угодьями не считалось. Хотя и ничейной она, скучная территория, не была. Она принадлежала Белоцерковскому уезду. Уезд тоже ничейным не был. Он принадлежал польскому магнату Броницкому. С годовым доходом на этой российской территории – восемьсот тысяч рублей золотом в год. Всю Польшу не купишь – но деньжищи, по тем временам, огромные.

Вот видите, как одна тема хватается за другую! Десять жизней не хватит, чтобы всё описать. Даже стараться не буду!

Упомянутые мной в этом месте и времени события происходили во время царствования Екатерины Второй. Вы же знаете, что в то время Польша принадлежала России. И не будь, я так полагаю, позорного «Брестского мира», и (я прошу нижайшего прощения у большевиков), ибо, я так тоже полагаю – не было б этого вот... простите... товарища Ленина, то и не было б позорного, Брестского мира!»! А Польша была бы, до сих пор и... навеки вечные, – Россией!

Чуть отвлеклись. Возвращаемся к магнату Броницкому. Мы знаем из истории что у Екатерины Великой служила фрейлиной племянница Гриши Потёмкин —, Саша, или, как тогда её называли – Александра. – Любимица Потёмкина и любимица Екатерины. Катька, простите за фамильярность, выдала её замуж за магната Броницкого. По расчёту, или по любви – позже узнаем и напишем. Умом Александра была наделена, не меньше самого Потёмкина, а может, и самой Екатерины Великой! И через какое-то непродолжительное время (я где-то об этом, кажется писал, может ещё напишу более подробно), уже жену Броницкого – Сашеньку, не устраивало, что он имел такие обширные земли, а там даже волки, и те не водились, чтоб поохотиться. Людей, тем более нет и неоткуда их взять.

А раз нет людей, то и нет денег, чтоб сыпались в закрома Броницких! Ведь только люди, даже самые бедные, делают деньги, текущие в карманы богачей! Другого вы мне и не говорите!

Сашенька сподвигла мужа, чтоб он из своей Польши – провинции России, пригласил людей на пустующие земли. А он и пригласил! Там в Польше тогда творилось чёрте что! Как и везде. Среди кучки богачей, было хоть пруд пруди бедных. Но и не то что бедных, а позорно бедных! – Обедневшая шляхта! Другими словами – творение, беднее церковной крысы, а гонора у каждой особи на сто магнатов хватит!

Вот Броницкий и пригласил их на вольные земли. Бери сколько хочешь! – Во, лафа! И кинулась туда обедневшая шляхта из поляков и евреев. Как же без евреев?! Кто же будет в будущем работать ростовщиками, да шинки держать – если не будет евреев?!

Люди потянулись. Кто на подводе, которую еле тянет дохлая лошада, кто на бричке, а кто и пеши. Сколько полегло в дороге, то уже другая тема и другие рассказы.

То ли её муж, то ли сама Сашенька выбрали место – плоское как шкура натянутая на барабан. Там была небольшая река, её прозвали Гнилая Течь и несколько естественных озёр. Копнули землю – сплошной чернозём и подземные воды не глубоко. Благо люди прибыли летом – можно было строить землянки. Александра Бронницкая не бросила их на произвол судьбы, а дала переселенцам кредиты под мизерный процент (0,1 процента годовых) для обзаведения хозяйств. Доходили слухи, что на двадцать лет. Вот и пригодились евреи, чтобы собирать и возвращать дань! Селу дали имя – «Плоское» Ещё ремарка – сейчас кредиты выдают под 10—15 процентов годовых! – Чувствуете разницу?!

Туда, в село Плоское, и прибыла моя родня. К сожалению, все документы уничтожили перед немецкой оккупацией в 1941 году. Проследить все колена не могу. Но, видимо, мы не из евреев – все мои работали на земле. Мой дед был сельским кузнецом, за что и раскулачили. – Не мог, да и не имел права пролетарий иметь собственную кузницу. И саму кузницу разрушили как источник кулацкой наживы. Пришли представители комитета бедноты с наганом и под их надзором та же беднота разгромила кузницу! Ну, не знал комитет бедноты зачем пролетариату кузница! Лишь когда дошло, и люд, который всё-таки работал, и знал, что пролетариат без работы не прокормить, растолковал ситуацию. Долго искали где подковать лошадей! Но, главное – пролетарская идеология была соблюдена! Виват пролетариату! Мой дед, Мачковский Харитон, не выдержал идеологического оздоровления, – слёг и умер. Поэтому и не загремел в Сибирь на пролетарское лечение.

Теперь, после такой прокладки – лично о себе. – Выше я писал, что был отличником. – Это так. А отличников не любят ни в одной школе! – Причина пока не изучена.

Но мальчик – это я, своих отличных оценок стеснялся, поэтому к нему (ко мне) относились хорошо. Тем более, что он любил играть с двоечниками. Тогда двоек не было. Просто ставили плохо. В переводе на современный язык – это означало бы – плохист. Мальчику было девять лет.

И вдруг тебе на! – Нужно ехать в город. И не просто к кому-нибудь в гости, а насовсем. Мать говорила – поедем, когда справимся. А справиться нужно было вот с чем... Ещё нужно отметить, что все родственники из села уехали. Тётя Аня во Львов, сразу же, когда он уже стал советским. Остальные родственники, все поголовно, уехали в Сочи.

К сожалению Советской власти, мои родственники убежали в Сочи, не дожидаясь их раскулачивания и отправления в Сибирь для освоения красивейших мест страны Советов. – Считай сибирских мест. И чего люди так боялись Сибири?!

Гуляя по деревне, я с моими сверстниками часто подходили к чугунному мастодонту, обломанному со всех сторон тяжёлыми молотами. Мы, пацаны, его продолжали тоже по щепотке долбить, чтобы добыть чугунную дробь для рогаток! Этот мастодонт стоял недалеко от пролетарского сельсовета, а раньше он был двигателем внутреннего сгорания и крутил жернова мельницы. Его привёз муж моей тетки Парасковьи – Гороховский Казимир из Америки. Там он заработал деньги и купил двигатель для России, для себя. Они, вдвоём с братом, одноногим Гороховским Станиславом, тоже мужем моей другой тетки – Ксении, построили мельницу и богатели на помоле муки!

Они успели убежать, как вполне прозорливые кулаки в Сочи, ещё до прихода комитета бедноты с наганом. Те поцокали языком, сожалея, что кулаки сбежали и поступили так же как с кузницей моего деда Харитона! Атрибуту кулацкого благополучия, считали они – не место, в обновлённой России! Правильно! Ведь и песня была такая – не помню дословно, но смысл таков – мы весь старый мир разрушим, чтоб на обломках построить новый. Вот и разрушали... старый мир!

Ещё одна ремарка, которая появляется по ходу пьесы. После революционной разрухи, когда – хоть зубы вырывай из-за голодухи. В России самым главным адептом пролетариата товарищем Лениным был провозглашён НЭП – Новая Экономическая Политика! И она назы-

валась ещё так – шаг вперёд – два шага назад! Это значило – шаг в социализм, а два шага в капитализм! Разрешили тем, кто имел руки и голову на плечах, открывать частные предприятия, и, вообще, осуществлять рыночные отношения в производстве товаров, чтоб поднять страну. НЭП просуществовал с 1921г. по 1924г. Страна слегка перестала голодать! Потом всех НЭПманов скрутили в бараний рог и послали туда, где Макар телят не пас!

Лично у меня создаётся впечатление, что страна выявила деловых людей, для того, чтоб их потом уничтожить! Для чего и для кого это нужно?! Судить вам – я не берусь. Слишком сложный вопрос.

Так вот, мои родственники, считай НЭПманы, почему убежали именно в Сочи, а не в какую-то Тьму-Таракань – не знаю. Наверно потому, что в то время ещё не наступил развитой социализм и город Сочи был тоже Тьма-Таракань.

Не мог так быстро развитой социализм перешагнуть через кавказские горы! А, может, ещё и потому, как мне нащёптывал один недобитый НЭПман, что Сочи в то время был, считай, почти грузинский город. А товарищ Сталин – соратник товарища Ленина кто?! – Грузин! Или почти грузин! Но это слухи! Можете им не верить. – Потому, что город Сочи очень быстро тоже превращался, даже в своих кулуарах, во вполне просматриваемую со всех сторон цитадель пролетариата!

Мы с матерью в селе остались одни. А справиться со всеми делами значило вот что:

Нужно зарезать и поесть всех кур, а их было четыре, в том числе квочка, плюс три цыплёнка.

Цыплята должны подрасти ещё хоть две недели, чтоб их зажарить и взять в дорогу. Дорога-то вон какая... длинная! Да ещё говорили, что нужно проезжать сквозь туннели. – Ужас! Разве прямо нельзя?! Что такое нельзя я уже знал. Нельзя было говорить, что отца Лины и Людмилы, моих двоюродных сестёр, в тридцать седьмом году, арестовали и расстреляли.

Ещё ремарка. Железную дорогу, по которой нам нужно было ехать в Сочи, задумало царское правительство еще в тысячу восемьсот шестидесятые годы, как грандиозный проект России. Туда-сюда, инженерные изыскания, споры за и против... в конце-концов под руководством специалистов из Италии, Бельгии и Австрии и чернорабочих из Кавказа, начали строить до Адлера в 1914 году. Кажется, по ней немножко и поездили, но!.. вернулся в Россию гений товарища Ленина и началось! Не до кавказской дороги было! – Даёшь революцию! Даёшь социализм! Даёшь Брестский мир! И даёшь ещё что-то такое, что дорогу пришлось поломать и восстановить только в 1927 году. По ней-то нам и пришлось проехать!

К сожалению ремарка помешала продолжить рассказ насчет расстрелов – самого производительного инструмента гегемонии пролетариата! И не возражайте! – О том что расстрел прекрасный инструмент подтверждал до конца своей жизни светоч социализма, вождь всех народов Великий Сталин!

А вот в 1937 году – это было раз плюнуть и растереть, – всего-то делов! Мне известен один из ручейков этой огромной и бурной реки! В том же 1937 году, или на полгода раньше появились школьные тетради с обложкой сине-зелёного цвета. На первой стороне обложки красовалось графическое изображение Маркса и Энгельса в накладку, в профиль. Художник его рисовал пером. В затемнённых местах рисунка он делал тем же пером очень густую штриховку.

Но, правильно говорят, что гениальная мысль не спит! Так и здесь нашёлся гений, без разглашения его фамилии, который рассмотрел штриховку, может быть под лупу, или так был глазастый, и в ней, в названной штриховке нашёл две сакральные буквы – «М» и «К» и расшифровал их как начальные буквы – «Могила коммунизму!»! Я тогда ходил, кажется, в третий класс, и мы всей школой вырывали и сжигали тетрадные обложки с изображением пролетарских вождей! Но прежде, чем бросить обложки в костёр, я несколько минут изучал их и нашел в примерном варианте весь алфавит не только в русском исполнении. Чуть повзрослев,

я подумал – а может то тоже была закамouflированная диверсия. – Во-первых бросить в огонь изображения коммунистических вождей, а во-вторых – расстрелами озлобить сам пролетариат к его же вождям! Нужно пить сивуху, курить «Беломорканал» и думать!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.